

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Джон Д. Литтлпейдж
Демари Бесс**

**В ПОИСКАХ
СОВЕТСКОГО
ЗОЛОТА**

Советский век

Джон Литтлпейдж

В поисках советского золота

«Алисторус»

1938

УДК 82-94
ББК 63.3

Литтлпейдж Д. Д.

В поисках советского золота / Д. Д. Литтлпейдж — «Алисторус»,
1938 — (Советский век)

ISBN 978-5-00180-949-4

Джон Литтлпейдж - автор книги и главный герой повествования прибыл по приглашению советской стороны возрождать промышленную добычу золота, но, в силу обширности поставленных перед горнодобывающей индустрией Советского Союза задач, участвовал в налаживании добычи меди, свинца и цинка, а также в организации плавильных производств на Южном Урале, в Казахстане, Башкирии, Якутии, Западной Сибири. При его участии была проведена реорганизация «золотой промышленности» и с 56-го места в 1927 году она оказалась на 2-ом месте по добыче золота в мире, 288,4 и 1813 кг золота в год соответственно. Инженер Литтлпейдж, занимая должность главного инженера треста «Главзолото», мог с гордостью написать, что у советской «золотой промышленности» появился свой флот механических драг для добычи металла, своя транспортная инфраструктура, свои локомотивы и вагоны, своя «социалка» с гарантированным отдыхом и оздоровлением после тяжелого труда. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени за труд, за прилежание и ответственность, за пользу в деле социалистического строительства. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-949-4

© Литтлпейдж Д. Д., 1938

© Алисторус, 1938

Содержание

Предисловие соавтора	7
Рассказ Джона Д. Литтлпейджа	11
1. Аляску посещает большевик	11
2. Прохладный прием в Москве	15
3. Социалистическое золото	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джон Д. Литтлпейдж и Демари Бесс В поисках советского золота

Когда люди находят золото все остальное приходит очень быстро.

Литтлпейдж Джон Д., Бесс Демари. В поисках советского золота. Челябинск: ВК, АБРИС 2017.

LITTLEPAGE, John D. and Demaree Bess. In Search of Soviet Gold. New York: Harcourt, Brace, (1938).

© LITTLEPAGE, John D. and Demaree Bess. In Search of Soviet Gold. New York: Harcourt, Brace, (1938)

© Литтлпейдж Джон Д., Бесс Демари

© ООО «Издательство Родина», 2023

Предисловие соавтора

Американцы, живущие в Москве, настолько привыкли к Джону Литтлпейджу, что я даже сомневаюсь, осознаем ли мы, насколько важна история, которую он может поведать. Мы знали, что он с 1928 года работал на советский золотопромышленный трест, и за это время золотодобывающая промышленность в Советском Союзе выросла с ничтожной доли на второе место в мире. Мы подозревали, что это его рук дело, во всяком случае, не меньше, чем любого другого, хотя прямо никогда от него такого не слышали. Мы догадывались, что он больше повидал на задворках азиатской России, чем любой другой иностранец. Но он так мало говорил о накопленном опыте, что мы и представления не имели, насколько он громаден.

Мистер Литтлпейдж вызвал у меня жгучий интерес с самой первой минуты, когда я его увидел на приеме в американском посольстве в Москве, в 1934 году. При росте шесть футов три дюйма он возвышался над всеми прочими, стоя у стены в длинной комнате, облицованной белым мрамором, рассматривая толпу туристов и американское население Москвы. Он только что вернулся из многомесячного путешествия в «форде» советского производства по караванным путям северного Казахстана и Алтайских гор.

Мне объяснили, кто он, и помнится, я расспрашивал его про золотые прииски в азиатской части России, поскольку интересовался этим предметом с точки зрения международной политики.

– Когда находят золото где-нибудь в неосвоенном месте, далеко от городов или железных дорог, сколько времени требуется, чтобы его застроить? – спросил я тогда. – Я имею в виду, ведет ли находка золотоносной жилы за собой цивилизацию: школы, места развлечений и тому подобное – быстрее или медленнее в Советской России, чем в Соединенных Штатах?

Литтлпейдж ответил на мой довольно-таки запутанный вопрос безотлагательно.

– Когда люди находят золото, – пояснил он с легкой улыбкой, – они очень скоро получают, что им требуется, будь то на Аляске или в Советской России.

Я привожу ответ специально, поскольку он проливает свет на практические взгляды Литтлпейджа, чего бы они не касались. Наше американское сообщество в Москве, в котором все придерживались самых разных взглядов на Россию и коммунизм, постоянно захлебывалось в «идеологических» абсурдных спорах. Советские коммунисты обволакивали нас своеобразной атмосферой из псевдонаучных терминов, новоизобретенным языком, который ежечасно лился со страниц газет, по радио, в кино – везде. Этот язык, как зашифрованная «пороссячья латынь», что дети придумывают для собственного развлечения, оказался очень прилипчивым и распространился по всему миру, чему же тут удивляться, если иностранные дипломаты и корреспонденты газет, аккредитованные в России, подхватили тот же мотив. Что меня привлекло в Литтлпейдже с первого же обмена мнениями – его иммунитет к этой искусственной речи.

Наши с ним беседы про советскую промышленность, положение рабочих, женский труд на шахтах и прочее очень помогли мне в написании статей для «Кристиан Сайенс Монитор», дали возможность лучше объяснить то, что в противном случае безнадежно запуталось бы в лабиринте большевистской терминологии.

Я всегда мог рассчитывать на Литтлпейджа, когда требовалось выразить точку зрения американского «производителя», если прибегнуть к словечку, которым он любил себя характеризовать.

Когда в августе 1936 года советское правительство начало серию процессов по делу о контрреволюционной деятельности высокопоставленных коммунистов, большинство иностранцев в Москве считали, что Иосиф Сталин и его окружение выдумали все те обвинения, в которых злополучные подсудимые сознавались в зале суда, и каким-то образом заставили

их признать свою вину. Процессы произвели впечатление даже на тех, кто рассматривал всю процедуру как фальсификацию с начала до конца.

Литтлпейджа не было в Москве в то время, он вернулся после длительного пребывания на советском Дальнем Востоке только после второго процесса, в январе 1937 года, когда влиятельные коммунисты сознались, что занимались «вредительством» на различных советских заводах, чтобы дискредитировать Сталина.

Я спросил Литтлпейджа:

– Как вы думаете? Обвинение ложное или нет?

Он ответил:

– В политике я не разбираюсь, но немало знаю о советской промышленности. И точно знаю, что определенная часть советской индустрии сознательно подвергалась саботажу, вряд ли такое возможно без помощи высокопоставленных коммунистов. Кто-то занимался вредительством в промышленности, а все высокие посты в ней занимают коммунисты. Так что, мне представляется, коммунисты помогали саботажу в индустрии.

Теории для Литтлпейджа не существовали. Однако своим глазам он верил.

Чем дольше я говорил с Литтлпейджем, тем больше убеждался, что он накопил кучу материала на ценнейшую книгу о Советской России.

Его положение среди иностранцев было совершенно уникальным, насколько мне известно, ведь он работал в тесном контакте с советскими организациями, и в то же время не отклонился ни на йоту от своих прежних американских взглядов. Все другие иностранцы либо приехали в Россию как сочувствующие коммунистам, и были приняты в советских кругах именно по этой причине; либо, не являясь политически ангажированными, находились целиком и полностью вне советской системы. Литтлпейдж пребывал внутри системы много лет, но оставался все таким же беспристрастным, как и поначалу.

Он был будто янки из Коннектикута при дворе короля Коммунизма: наблюдал за происходящим и не особенно удивлялся тому, что видел. У этих людей свой собственный подход, говорил он, и не его дело их судить. Его наняли для выполнения определенной работы, получить для них как можно больше золота, и он старался в меру своих возможностей. Ладил он с ними хорошо, потому что не вмешивался в их внутренние интриги и не пытался совать свой нос в дела, не связанные с добычей и выплавкой золота.

Я сказал ему:

– Именно вам и следует написать книгу о Советской России. Вы эту систему знаете как никто другой, и всегда рассматривали ее со здоровым американским любопытством, но без особых эмоций.

Он покачал головой:

– Я не писатель, с книгами дела не имел. В любом случае, эти люди меня наняли, не могу же я писать про них, пока на них работаю.

Эта книга появилась благодаря удачному стечению обстоятельств. Однажды, летом 1937 года, мы пригласили Литтлпейджа с семьей пообедать в нашем московском доме. Миссис Литтлпейдж и две их дочери прибыли вовремя, но сам Литтлпейдж все никак не появлялся.

Жена объяснила, что его задержали на службе, и он появится после обеда.

Он вошел около одиннадцати и, поболтав часок, внезапно объявил, что порвал с Россией – семья Литтлпейджей возвращается в Соединенные Штаты навсегда.

Мы все были ошеломлены, включая миссис Литтлпейдж.

– Я и жене еще не сказал, – объяснил он. – Сегодня я подал Золотопромышленному тресту заявление об отставке, и мы немедленно отправляемся домой.

Среди всеобщих сумбурных возгласов мне в голову пришла идея.

– Теперь-то вам можно писать книгу! – воскликнул я.

Литтлпейдж выглядел раздраженным. Меньше всего ему хотелось думать о книге. Но я был совершенно уверен: ему есть что рассказать, и рассказать это следует, и тут же предложил помочь ему в написании. Так совпало, что я тоже вскоре отъезжал в Калифорнию, навестить родных первый раз за семь лет, и мы расстались той полночью в Москве, условившись, что через месяц встретимся в нашей собственной стране и все обговорим.

Я проводил каникулы дома, главным образом, вытягивая из Литтлпейджа подноготную необыкновенной истории, которую он не чувствовал себя вправе рассказать раньше. Как только он решился, Литтлпейдж оказался почти разговорчивым – для инженера, во всяком случае. Он добывал из памяти события предыдущих десяти лет, а иногда его жена вспоминала какой-нибудь эффектный эпизод, пригодный для украшения рассказа.

Миссис Литтлпейдж достойна книги сама по себе. Она выглядит не старше своих дочерей и по внешности, и по духу, так вежливо разговаривает и так изысканно ведет себя, что никто бы не догадался, что ей приходилось жить в рудничных поселках Аляски и России с пятнадцати лет.

Она проехала с мужем более ста тысяч миль по задворкам азиатской России, но я никогда не слышал, чтобы она хвасталась своими необычными путешествиями.

– Почему вы отправлялись в такие трудные поездки? – задал я как-то ей вопрос. – Что, приключения важнее для вас, чем удобства?

– Даже не думала ни о чем таком, – ответила она. – Джеку нравится, как я готовлю, вот я и ездила с ним.

В другой раз я спросил миссис Литтлпейдж, какое впечатление на нее произвел большевик с дореволюционным стажем, который прибыл на Аляску в 1927 году приглашать ее мужа на работу в Россию.

Она улыбнулась.

– Ой, я подумала: какой забавный! Он поцеловал мне руку, чего со мной раньше не бывало.

Случай и впрямь показался мне занимательным. Первый революционер, которого она увидела за свою жизнь, поцеловал ей руку! Я так и написал в черновом варианте книги.

Но суровый взор Литтлпейджа вскоре изболел меня.

– Это здесь зачем? – спросил он. – Вы говорили: будем писать про советское золото. Какое отношение имеет целование женских рук к советскому золоту?

Другим эпизодам повезло больше. Литтлпейдж – прирожденный рассказчик, и способен травить одну байку за другой.

По существу, вся книга – рассказ о десяти годах службы Джона Литтлпейджа в советском золотопромышленном тресте, рассказ от первого лица. Однако некоторые выводы и заключения из его опыта были сделаны при наших беседах и переписке, и Литтлпейдж настоял, чтобы и моя фамилия стояла на обложке книги.

Помогая описать пережитое Литтлпейджем и выводы из него, я старался сохранить тон неприкрашенной деловой речи, если не сами слова. Как многие инженеры, Литтлпейдж может описать рудник с абсолютной ясностью и точностью, но редко утруждает себя описанием человека или места действия. Чаще всего он думает в терминах производства.

Однажды я спросил:

– Когда большевики тысячами высылали раскулаченных крестьян принудительно работать на рудниках, как те приспособлялись?

Литтлпейдж подумал немного и ответил:

– Что ж, поначалу они не справлялись. Они раньше и рудника-то никогда не видели. Полгода выработка снижалась. Потом они набирались опыта, и производство снова нормализовалось.

Именно таково было отношение, кстати сказать, многих большевистских лидеров к рабочим на советских государственных предприятиях.

Рассказ Джона Д. Литтлпейджа

1. Аляску посещает большевик

Помню, ранней осенью 1927 года на юго-востоке Аляски была особенно удачная охота. Работа управляющим золотого рудника, расположенного в 125 милях от Джуно, не настолько меня связывала, чтобы не выбираться иногда на природу, а когда я вернулся из удачной охотничьей экспедиции, меня ожидала телеграмма. Нью-йоркский знакомый просил меня помочь, насколько в моих силах, русскому профессору Александру Серебровскому. Профессор, как выяснилось, направлялся на Аляску из московской горной академии посмотреть, как мы добываем золото. Мой друг хотел, чтобы он ознакомился с делом основательно, и решил, что мне удастся это организовать.

– Не везет! – сказал я жене. – Похоже, придется поехать в Джуно на несколько дней, поводить того русского профессора на экскурсии.

Договорился, что уеду на какое-то время, и отправился на моторном катере в Джуно, чтобы успеть к приходу корабля из Сиэтла.

Единственные русские, которых я к тому времени знал, жили в Ситке, прежней столице Аляски, пока Россия не продала ее Соединенным Штатам. В Ситке есть православная церковь, там священники с длинными бородами и в рясах. Подсознательно я ожидал, что русский профессор будет похож на священников, только без рясы, конечно, и, отправившись встречать рейс из Сиэтла, высматривал именно такого человека.

Ну что ж, рассматривал я пассажиров, выходящих на берег, но не увидел никого похожего на мой мысленный образ. Делать нечего, направился обратно в гостиницу, где забронировал ему номер, думая, что мы разминутся. Дежурный на входе кивнул: «Он наверху в номере». Я поднялся по лестнице, собираясь извиниться, что упустил его.

Когда Серебровский открыл дверь, я понял, почему не угадал его на причале. Среднего роста, незаметный человек, хорошо выбритый, в американском костюме – он был похож на американца, ни малейшей деталью не совпадал с тем образом русского профессора, что я себе нарисовал. Он довольно прилично знал английский, и хоть говорил с ужасающим акцентом, но очень спокойно и тихо – практически шепотом.

Я слышал, будто некоторые могут предугадывать свое будущее, но самому никогда не доводилось. В то время меня не охватило никакое предчувствие, что появление этого человека означает для меня нечто большее, чем нудное поручение, которое надо выполнить, насколько получится; разумеется, я ни в коей мере не предвидел, что он сыграет важную роль в моей жизни на ближайшие десять лет, и направит меня и мою семью по совершенно новому пути.

Оказалось, что с Серебровским можно делать дело. Он совершенно точно знал, чего хочет, и уже собрал немало информации о золотодобыче на Аляске. К моему удивлению, он также неплохо знал и мою биографию. Он объяснил, что хочет увидеть как можно больше за возможно более короткий срок, и согласен был потратить столько денег, сколько потребуется. Я предложил зафрахтовать судно, поскольку большая часть золотых приисков в юго-восточной Аляске расположены близко к воде. Он согласился, и мы отправились наматывать мили.

Серебровский быстро завоевал мое уважение тем, как умел трудиться. Я высокого мнения о своей собственной выносливости, но он никогда не говорил «хватит» раньше меня. Я добросовестно поработал на него, сделал не меньше, чем для любого другого иностранца, рекомендованного мне. Показал ему прииски Джуно на Аляске и разработку более мелких жил и драгирование; собрал все данные, которые ему требовались про горнорудное дело на Аляске,

из государственного Горного управления и из частных источников. После целых дней, насыщенных осмотром, вечерами он зарывался в эти материалы.

Однажды мы остановились в Ситке, которую Серебровский специально попросил включить в наше путешествие. Он хотел получить какую-нибудь информацию о русских, что жили здесь до того, как Соединенные Штаты купили Аляску. Я свозил его в старую русскую церковь, где сам до того не бывал. Когда вышли священники, он заговорил с ними по-русски, и они начали долгую беседу, в которой я, разумеется, ни слова не мог понять. Я догадался, что Серебровский выпрашивал у священников все, что они знали про историю города и теперешнее русское население.

В конце концов священники повели нас на экскурсию по церкви, и я стал рассказывать, как сделал бы на прииске, зайдя вперед тех священников, что нас сопровождали. Серебровский задержал меня, подсказав, что я чуть не ступил на особое место, куда можно не всем, а только священникам. Он отлично разбирался и в церковных правилах, несмотря на то, что был профессором в новой атеистической России.

После того, как мы поехали кругом несколько дней, Серебровский начал забрасывать удочку, как бы я посмотрел на то, чтобы поехать в Россию, помочь правительству организовать золотодобычу. Сама идея захватила меня врасплох.

Я жил на Аляске с семьей четырнадцать лет, за вычетом того времени, что служил в авиации, когда шла война. Семья моей жены с Аляски, и она здесь жила с детства. Я проходил практику на Аляске, когда еще учился, и первую настоящую работу получил именно здесь. И вот, в тридцать три года я был управляющим немаленькой компании, и не видел причин на что-то жаловаться.

Так я и ответил Серебровскому, но он все тем же тихим голосом принялся спорить со мной. Нарисовал радужную картину русских золотых месторождений, которые, по его уверениям, чуть не богатейшие в мире. Описывал Сибирь и Казахстан, где находились те золотые месторождения, очень похожими на Аляску. Уверял, что я сразу почувствую себя как дома, проведя столько лет в северной стране. Советское правительство, говорил он, до сих пор мало занималось своим золотом, но теперь решило направить людей и технику в золотодобывающую промышленность и применять самые современные методы. Это неплохой шанс, намекал он, для какого-нибудь американского горного инженера составить себе репутацию.

Но я не клюнул, даже после того, когда он прямо предложил работу на весьма приличных условиях, под конец своего визита. Я просто не видел смысла искать удачи в дикой неизвестной России, когда мне и на Аляске неплохо жилось. Я знал, что некоторые американцы в Штатах считают Аляску дикой и спрашивают, как мы можем тут жить постоянно; но Аляска для нас дом, а Россия – другой мир.

Однако Серебровский, похоже, уперся на том, чтобы отправить меня в Россию, и продолжал приводить все новые аргументы.

Наконец, однажды я ему прямо сказал:

– Не нравится мне расклад у вас в стране. Не нравятся большевики у власти.

Он казался ошеломленным:

– Большевики не нравятся, да? А в чем дело, почему?

Я парировал:

– У них привычка расстреливать, особенно инженеров.

Серебровский улыбнулся и заявил своим тихим голосом:

– Вот я большевик, уже много, много лет. Я кажусь таким опасным?

Я был по-настоящему потрясен. Я бы не описал, как, по-моему, должен выглядеть большевик, но уж точно не как этот кроткий и профессиональный человек. Мои знания о Советской России в то время равнялись практически нулю; газеты и статьи в журналах я просматривал, но по ним выходило, будто там творится непонятно что, и я совсем бросил их читать. Мои

понятия о большевиках были совершенно туманные, а общее впечатление о них – кроважая толпа; и я стал внимательнее приглядываться к русскому профессору после его признания.

Думаю, именно из-за неотрывного наблюдения у меня в памяти так отпечатался один эпизод. Инженер, показывая нам золотопромышленный рудник, предупредил Серебровского, чтобы тот не подходил слишком близко к спускным лоткам. Его поведение, за все время нашего знакомства такое спокойное, внезапно изменилось. Он вспыхнул, как фейерверочная ракета, и напряженным шепотом попросил меня сообщить нашему гиду, что он и сам горный инженер и прекрасно знает, как себя вести на руднике. Внезапно он показался мне совсем другим человеком, облеченным властью, привыкшим, чтобы к нему обращались с уважением.

И еще вспоминается один инцидент, который меня тогда удивил. Я организовал встречу Серебровского с главным управляющим рудника Аляска-Джуно, одного из крупнейших в мире золотопромышленных рудников. Мы добрались туда ко времени обеденного перерыва и увидели управляющего выходящим из туннеля в рабочей одежде, собравшей немало грязи.

Когда я его представил Серебровскому, тот удивился. Он отвел меня в сторону и спросил:

– Вы сказали, это главный управляющий?

Я ответил:

– Именно он.

Мы втроем пошли в столовую компании, сели за один из длинных столов с едой, набрали себе, кто чего хотел. Конечно, никакие столы ни для кого не были забронированы, и за нашим столом сидело много простых горняков, они слушали нашу беседу и иногда вступали в разговор.

Эпизод произвел большое впечатление на Серебровского; он потом долго со мной говорил. Он никак не мог привыкнуть к мысли, что главный управляющий сел обедать со своими собственными рабочими, даже глазом не моргнув.

Я ничего особенно впечатляющего в том не усмотрел. Объяснил ему, что никаких классовых различий между служащими и рабочими на Аляске нет.

– Разве в России не так? – спросил я. – Я думал, там все равны.

Серебровский как-то странно на меня посмотрел.

– Пока еще не так, – сказал он, затем добавил: – Но будет, не пройдет много времени.

После чего ему, кажется, еще больше захотелось забрать меня с собой. Он целыми часами описывал красоты девственных краев Сибири и востока России.

– У вас на Аляске красиво, – говорил он, – но никакого сравнения с нашей страной. И здесь уже сливки сняты. Никакой возможности отличиться на Аляске для мужчины уже не осталось. А в России мы еще только начинаем, и человек вроде вас найдет работу, достойную его способностей.

Его красноречие начало на меня действовать против моей воли. В конце концов, не оставалось другого встречного довода, кроме моей семьи. Я прямо сказал, что семейный, у меня жена и две маленькие дочки. Не забирать же их с собой в Россию, а оставлять в Америке на целые годы, как, наверное, придется, я не собираюсь.

Серебровский быстро расправился с моим возражением.

– Конечно, вы можете перевезти семью в Россию, – сказал он. – Мы им обеспечим все самое лучшее. Проезд первым классом на лучших пароходах от Аляски до России. Лучшие помещения, где бы вы не оказались. Денежное довольствие, достаточное для всей вашей семьи в России, помимо жалованья в американских долларах.

Я все-таки не соглашался, и он настоял на том, чтобы вернуться и снова посмотреть тот рудник, которым я управлял. Познакомился с моей женой и дочерьми, стал им рассказывать о России. Будь моя жена против, обсуждать больше было бы нечего. Но ее, похоже, очень заин-

триговала идея такого приключения. Да и возможность заработать и накопить денег, разумеется, привлекала нас обоих.

Однако мы не стали торопиться с решением, пока он не уехал. Мы попрощались, и его последним словом было, что мы скоро получим от него известия.

Вскоре я получил телеграмму, отправленную из его московского управления, с просьбой поехать в Нью-Йорк и заключить контракт с Амторгом – советской организацией, которая занималась покупками и продажами в Америке, включая приобретение инженерных услуг. Одновременно Серебровский отправил деньги на проезд в Нью-Йорк, включая дополнительную сумму, достаточную для возвращения на Аляску, если мне не подойдет предложенный контракт.

Поскольку дорожные расходы до Нью-Йорка в любом случае были оплачены, отказываться не имело смысла, и 22 февраля 1928 года мы вчетвером выехали из Аляски, которую мы считали домом, больше, чем любое другое место в мире. Мы все еще не определились, что собираемся делать; я настолько не был уверен насчет поездки в Россию, что оставил семью на западном побережье, а сам поехал в Нью-Йорк для подробных переговоров.

В Нью-Йорке оказалось, что сами условия контракта удовлетворительные, все так, как мне было сказано. Однако в Амторге я первый раз столкнулся с советской бюрократией; надо было заполнить так много документов и подписать так много бумаг у разных мелких начальников, что прошел месяц, пока дело уладилось. Тем временем я сообщил семье, чтобы приезжали в Нью-Йорк, и в марте мы отправились через Атлантический океан в Россию, очень волнуясь, как можно себе представить.

Контракт был заключен на два года, и мне это казалось достаточно долгим сроком; конечно, я и не подписал бы его на более длительное время. Никто из нас тогда не предчувствовал, что мы проведем там целых десять лет жизни; столкнемся со множеством приключений, таких, что нам и в голову прийти не могли. Думаю, зная, что ждет нас впереди, мы бы вернулись, несмотря на контракт.

Но жизнь не так организована; иначе и сделать хоть что-нибудь было бы невозможно. Отплывали мы во вполне бодром настроении, беспокоясь разве что о морской болезни. Мы купили несколько книг о России, почитать по дороге, но из-за корабельной качки оставались лежать в койках, и забивать голову знаниями нам хотелось не больше, чем желудки – едой. Мы отправлялись в Советскую Россию, зная про эту страну и тамошние идеи и обычаи не больше, чем любые другие четыре человека.

2. Прохладный прием в Москве

Билеты у нас были до Шербура, но, когда пароход еще качался посреди океана, стюард постучал в дверь каюты и передал радиogramму от Серебровского из Лондона. Русский профессор просил меня сойти в Лондоне, чтобы помочь ему составить доклад о технологии горных работ в Соединенных Штатах. Так что мы прервали путешествие в английском порту и поехали в Лондон.

Просмотрев доклад, я поразился больше, чем обычно, невероятной работоспособности этого русского. Он провел всего лишь несколько месяцев в Соединенных Штатах, и каждый день был почти всегда заполнен до отказа. И все-таки он нашел время написать большую книгу с подробными иллюстрациями, описывая самые современные методы добычи золота в нашей стране. Он готовил книгу для публикации на русском языке, и хотел, чтобы до ее выхода я проверил фактическую сторону. Не нашлось ничего, что можно было бы изменить в его описаниях.

Покончив с поручением, я забрал семью и направился в Берлин, где, как мне подсказал американский друг, можно познакомиться с инженерами, американцами и немцами, что работали в России и могли бы дать совет-другой. В то время сотрудничество между Россией и Германией было очень тесным; русские нанимали немецких экспертов сотнями, чтобы те помогли им запустить промышленные предприятия, а также приобретали в Германии материалы для новых фабрик, заводов и транспортных магистралей.

Сотрудничество оказалось очень удачным для обеих стран, и я уверен, что многие немцы были разочарованы – и некоторые русские тоже – когда к власти пришел Гитлер и разорвал отношения.

Инженеры в Берлине были весьма дружелюбны и старались помочь. Они предупредили меня, что традиции, окружающие инженеров в России, резко отличаются от соответствующих традиций в Соединенных Штатах, да и в большинстве других стран. Инженеры в России, объясняли мне, никогда не спускались в шахты или рудники в рабочей одежде, как инженеры в Соединенных Штатах. Они меня уверяли, что бессмысленно не соблюдать обычаи страны; я должен хорошо одеваться, носить перчатки, если направляюсь на рудник, и когда стану отдавать приказы, писать их у себя в конторе и отправлять подчиненным с курьером.

Я слушал с недоверием; и даже представить себе не мог, как такое буду делать. Еще с тех времен, когда я школьником проходил практику на приисках, я трудился бок о бок с рабочими, носил такую же одежду, а часто выполнял ту же самую работу, что и они. Я не мог понять, как инженер надеется чего-то добиться, если будет стоять столбом, разодетый в пух и прах, в перчатках, а не руководить работами.

В Берлине я впервые узнал, что мой попечитель, Серебровский, куда более важная персона в России, чем я раньше подозревал. Мне сказали, что он на одной из влиятельнейших должностей в промышленности, был на нескольких крупных постах и авторитетен, как никто. Он самый главный начальник в моей собственной отрасли, золотопромышленности, сказали мне.

В то время в Берлине было множество русских; некоторые – эмигранты, а другие – советские официальные лица в деловых командировках. Немалое число эмигрантов придумали себе хитрую аферу. Они выискивали в советских газетах новости о торговых агентствах, направляющихся в Берлин из Москвы. Узнав, что скоро прибудет такая группа, они обходили немецкие фирмы и там рассказывали, что у них есть близкие друзья среди уполномоченных, и они могли бы поспособствовать, чтобы закупки производили именно в названной фирме, за комиссионные. Немцы предлагали им проценты, если сделка будет заключена.

Чаще всего эмигранты не были знакомы с русскими в закупочных группах, и никакого влияния не имели, даже если случайно знакомые и попадались. Но по закону больших чисел советские покупщики какое-то количество товара заказывали в фирмах, где была такая договоренность, и эмигранты, таким образом, неплохо зарабатывали на жизнь безо всякого риска или вложения капитала, или оказания каких бы то ни было услуг.

Один из советских русских в Берлине хорошо ко мне относился и все пытался о чем-то предупредить, хотя по-английски почти не говорил. Наконец нашел переводчика, которому мог доверять, и весь вечер описывал советскую полицейскую машину, необходимую и сложившуюся в реальных обстоятельствах. Просил меня не беспокоиться, если русские, работающие со мной, будут внезапно таинственно исчезать. Сейчас нет другого способа наладить дела, убеждал он меня, и я сам увижу, что полиция очень активно действует на шахтах и предприятиях. Объяснял, что следует смотреть на полицию как помощников в работе, а не препятствие, и не принимать их близко к сердцу.

Он хотел оказать мне добрую услугу, но заставил немало поволноваться. Картина, которую он нарисовал, как полиция все время наблюдает за предприятиями, неутешительна. Я не привык работать в таких условиях, и мне это не пришлось по вкусу. Кроме того, я не мог понять, почему так уж необходимо держать под надзором работников на шахтах и предприятиях.

Мы несколько дней оставались в Берлине, который в 1928 году был оживленным, веселым городом, и хорошо провели время. Все люди, с которыми я знакомился, проявляли интерес к моей поездке в Россию, и их рассказы об этой стране принесли немалую пользу. Серебровский встретил нас в Берлине и предложил поехать вместе с ним на поезде через польскую и русскую территорию в Москву.

В Лондоне и Берлине оказалась привычная для нас цивилизация; но стоило добраться до Польши – и нам, всем четверым, стало не по себе. Поезд пересек немецко-польскую границу посреди ночи, нас разбудил высокий солдат, что ворвался в купе и наставил армейскую винтовку через дверной проем. Дочки до смерти перепугались, да и я чувствовал себя не лучшим образом. Когда мы уже решили, что он вот-вот начнет стрелять, появился другой человек в форме и вежливо попросил предъявить паспорта. Он обменялся парой слов с солдатом на своем языке и будто бы насмешливо усмехнулся, увидев по визам, что мы направляемся в Россию. Судя по его поведению, мы решили, что полякам не нравится, когда иностранцы едут помогать русским.

Какой уж сон после такого инцидента, и когда мы разглядывали утром польские равнины, все еще покрытые снегом, хотя стоял апрель, настроение тоже не поднялось.

Снаружи было очень холодно, в поезде топили плохо. Условия не улучшились, когда мы пересекли восточную польскую границу и пересели в русский поезд. Местность такая же равнинная и неинтересная, в поезде еще холоднее.

Я искал Серебровского, когда русский поезд отъехал от пограничной станции, и поначалу не нашел, но в конце концов обнаружил в вагоне-ресторане. У него на лице было счастливое выражение, какого я раньше не видел, а перед ним – горка ломтей черного хлеба и два стакана чая. Он пригласил меня попробовать, уверяя, что такого хлеба не найдется больше нигде, кроме как в России. Я попробовал и решил, что никто, кроме русских, есть его и не захочет. Позже, однако, я тоже полюбил русский черный хлеб, и ощущал его нехватку, когда покинул Россию.

Наша маленькая семья была не в лучшем расположении духа, въезжая в Москву. После польских и российских ландшафтов и поездов мы почувствовали, что, может быть, совершили ошибку, согласившись провести два года в такой обстановке. А Москва встретила нас прохладно. Несколько друзей, закутанных в меха до самых глаз, ждали Серебровского на вокзале, и последовали долгие объятия и приветствия. В возбуждении от встречи, Серебровский забыл

о нашем существовании и вышел с длинного перрона, окруженный друзьями. Мы наконец отыскивали носильщиков и собрали багаж, и выходя, только успели увидеть Серебровского, выезжающего на длинном лимузине.

Тогда я плохо представлял себе российские условия, и еще не беспокоился. Но мы не ожидали такой погоды; девочки были одеты в легкие платья и короткие носки, а вокзал не отапливался. Я сказал им подождать минутку, пока найду такси, не представляя себе, что такси в 1928 году в Москве практически отсутствовали. Собственно, в тот момент я начал охоту за транспортными средствами, чтобы попасть куда-нибудь, которая так и не окончилась за десять лет, пока я не сел в Москве на поезд, увозящий меня из России навсегда летом 1937 года.

Несколько одноконных саней стояли вблизи вокзала, извозчиков почти не было видно за шубами. Я не знал ни слова по-русски, а они не знали ни слова на других языках, и не проявляли никакого любопытства к тому, что я пытался им сказать. Я бегал вокруг вокзала добрых два часа, с каждой минутой становясь все злее, пока жена и дочери мерзли внутри вокзального помещения. Наконец, откуда-то возник невысокий человек с надписью «Гид» на кепке, говорящий по-английски. Вскоре на двух русских санях мы ехали в гостиницу, в которой оставались весь следующий месяц, проведенный в Москве.

С того дня я видел сотни американских инженеров, приезжающих в Россию, и страдал вместе с ними. Первые дни, когда все кругом говорят на совершенно незнакомом языке, когда пища, и обычаи, и магазины не похожи ни на что, виденное ранее, переносятся тяжело. Нас отвезли в гостиницу, которую теперь приспособили для иностранных туристов, и обслуживающий персонал говорит на нескольких языках. Но в 1928 году она была только для русских, и никто во всем здании вообще не говорил по-английски. Мы нашли ресторан на третьем этаже по запаху, но несколько дней мы не в состоянии были заказывать еду, пока не обслуживали еще кого-нибудь, и мы хотя бы могли показать на чужие тарелки.

Тут я быстро понял, что не продвинулся далеко с работой в этой стране, если не выучу их язык хоть немного.

На следующий день после прибытия началась русская пасхальная неделя. Все церкви, сотни церквей в Москве, почти непрерывно звонили в колокола, днем и ночью, в течение пяти или шести дней. Для наших ушей, колокола издавали дребезжащий незнакомый звук, и не давали уснуть. Мы понятия не имели тогда, что это была последняя русская Пасха, которую праздновали с размахом; вскоре после этого власти ликвидировали большинство церквей, а оставшимся было запрещено звонить в колокола. Сегодня и не услышишь церковный колокол в Советской России. В те дни русские были очень дружелюбны и гостеприимны по отношению к иностранцам, как были бы и сейчас, будь им позволено. Несколько русских, с которыми мы только что познакомились, пригласили нас домой и угостили печеными и творожными кексами, специально приготовленными на Пасху.

Я провел первый месяц в Москве, знакомясь с организацией центрального управления вновь созданного золотопромышленного треста «Главзолото», на который я работал. Кроме того, мне поручили составить список стандартного оборудования для рудников и обогатительных фабрик, и выбрать чертежи подходящего не крупного оборудования, которое могло бы производиться тут же на советских заводах. На меня произвело впечатление, что планы развития золотодобывающей промышленности составлялись в гигантском масштабе, и предполагались большие капиталовложения.

На тот первый месяц в Москве пришелся большой советский весенний праздник, 1 мая. Должен признать, что политически я был совершенно безграмотен; даже не знал, что 1 мая – праздник.

Это Международный день труда в Европе, но на рудниках Аляски, где я провел большую часть взрослой жизни, его никогда не праздновали. В управлении еще не нашли для меня переводчика с английского, и я объяснялся, как мог, на ломаном немецком, с помощью рус-

ского служащего, говорящего по-немецки. Под конец рабочего дня 30 апреля он пригласил меня зайти в управление в девять утра на следующий день, и я понял, что произойдет нечто особенное.

В управление я прибыл с запасом времени, и улыбающаяся русская девушка пришила мне ленточку на лацкан, а тот сотрудник, что говорил по-немецки, взял меня за руку и вытащил на улицу, где собрались остальные служащие, строящиеся в колонну. Я понятия не имел, что происходит, но пошел со всеми. По дороге к нам время от времени присоединялись другие группы, и наконец мы дошли до перекрестка с кольцевой улицей, в незнакомой мне части города. Как оказалось, здесь была наша временная остановка, и мы стояли и ждали.

Через час или около того мой гид по-немецки объяснил мне, что ему надо отойти на минутку по делам, и оставил меня среди группы, где говорили только по-русски. Я и не подозревал, что он меня сознательно бросает, но именно так он и поступил, и больше в тот день не появился. Погода стояла ужасно холодная, а я был одет слишком легко, чтобы спокойно стоять. Мы продвигались вперед, но очень медленно, поскольку улицы были забиты такими же колоннами, как наша.

Меня вовлекли в демонстрацию в девять утра, и я ходил или стоял в ожидании, не в состоянии даже завязать ни с кем разговор, до пяти часов дня.

Русские, казалось, все к этому привыкли; они явно пришли готовыми к долгому испытанию и развлекались, как могли, песнями и плясками, чтобы согреться. Я не так стойко держался в сложившихся обстоятельствах. Я бы улизнул, если б знал, где нахожусь, или мог спросить у кого-нибудь, как добраться до моей гостиницы. Но я даже не знал, в каком направлении сбегать.

Около пяти часов я увидел знакомое здание в центре города. Я знал, что моя гостиница недалеко. Не глядя по сторонам, я выбрался из колонны и напрямик направился в гостиницу, где наконец смог с удовольствием поесть и выпить.

Позже я узнал, что эти первомайские демонстрации – одно из грандиознейших зрелищ в мире. Я видел несколько со стороны, и они очень впечатляют. Но мой первый взгляд можно назвать: с точки зрения червяка. Я присутствовал на демонстрации и даже об этом не знал. Останься я в ее рядах еще пять минут, дошел бы до Красной площади, места назначения всех колонн, и промаршировал бы мимо Сталина и других высокопоставленных лиц на трибуне.

Изучая организацию, на которую собирался работать, я узнал, что золотопромышленный трест находился в процессе передачи от одного государственного наркомата к другому, и центральное правительство брало на себя работу рудников, которые до сих пор находились под номинальным контролем местных государственных органов. Но поскольку не хватало – собственно, почти не было – опытных работников и инженеров, а также оборудования, организацию разбили на ряд региональных трестов, каждый из которых нес непосредственную ответственность перед центральным трестом в Москве.

Таким образом, появлялась возможность лучше распределять наличные ресурсы.

В течение месяца изучения я начал понемногу понимать, что промышленность целиком, как практически все в России, контролировалась политиками. Мне объясняли, что центральный трест и все региональные тресты, и каждая группа рудников находится в ведении управляющего, без технической подготовки, и главного инженера. Управляющий – политработник, член Коммунистической партии, а главный инженер – номинальный администратор, ответственный за организацию работы. Но функции двоих начальников перекрывались и, как я обнаружил позже, стоило политработникам получше ознакомиться с производством золота, они постепенно прибирали к рукам контроль надо всем. Однако главных инженеров назначали заместителями, так что, если один отсутствовал, другой мог выполнять функции обоих.

Политический контроль, как я заметил с самого начала, проходил через всю организацию сверху донизу. Во главе таких отделов Треста, как рудничный, обогатительный, транспортный,

проектный, бухгалтерский и отдел снабжения, находились два начальника, один из них коммунист, а другой – технический эксперт. Совершенно очевидно, что второй был дублером, и окончательное слово было всегда за политработником.

Тот первый московский месяц, наверное, был самым трудным для меня в России. Я хотел заняться порученным мне делом и никак не мог. Сначала не удавалось найти хоть какого-то переводчика, и даже когда переводчик нашелся, не так легко было понять специфическую организацию советской добывающей промышленности. Я никогда ни с чем похожим не сталкивался.

Но на самом деле события развивались быстро, по русским понятиям о времени, с которыми я ознакомился позднее. В середине мая мне сообщили, что я назначен главным инженером группы золотых рудников, разрабатываемых в Кочкаре, в горах Южного Урала в западной части Сибири. Я немедленно – как поступил бы на Аляске или где-нибудь еще – попросил планы рудников, производственные показатели и калькуляционные ведомости, чтобы оценить, имеет ли смысл их разрабатывать.

Подготовить материал я просил молодого немецкого экономиста из управления. Он был убежденный коммунист, приехавший строить коммунизм с большевиками. Он сказал: «При нашей системе нет нужды беспокоиться о затратах. Если издержки производства на одном руднике высокие, это компенсируется низкими издержками на другом руднике».

Смысла в этом заявлении я не увидел, но был не в состоянии, да и не в настроении с ним спорить. Я собрал семью, мы снова сели в русский поезд, на сей раз в долгую поездку из Москвы на Урал.

3. Социалистическое золото

В первые дни в России я был слишком занят, чтобы размышлять о причинах, почему русские золотые рудники и месторождения до сих пор оставались без внимания. Наверное, для меня само собой разумелось, что дело в революции и гражданской войне, хотя и осознавал, что гражданская война уже несколько лет как закончилась. Я прожил и проработал в России годы, прежде чем мне удалось систематизировать причины заброшенности, но читателей столько ждать не заставляю, поскольку хочу, чтобы они разобрались в моих российских впечатлениях лучше, чем я в свое время.

Как всякому американцу, мне никогда не приходило в голову, будто человек, обнаруживший в земле золото, не захочет его добывать. Поэтому мне казалось совершенно нормальным, что большевистское правительство желает разрабатывать свои золотые месторождения и нанимает меня, чтобы им помочь. Но мне рассказывали, уже через несколько лет после прибытия в Россию, что решение возобновить золотодобычу в широком масштабе было принято после длительных дебатов среди влиятельных коммунистических лидеров, а некоторые коммунистические вожди остались недовольны, когда в конце концов было решено добывать золото.

Оказывается, изобретатели коммунизма, включая Карла Маркса и Ленина, придерживались мнения, что при коллективистской системе золото утратит большую часть ценности, и кто-то из них однажды саркастически заметил, будто золото при социализме будет требоваться только на зубные пломбы, и вполне может применяться для сантехнического оборудования, с равным успехом.

Большинство коммунистов, как я узнал позднее, склонны считать любое высказывание основателей их системы за непреложную истину, и потому целых десять лет после революции не обращали никакого внимания на громадные месторождения золота по всей России.

Перед мировой войной в России было значительное производство золота, большая часть которого добывалась из россыпных месторождений. Целый флот малых драг действовал на Урале, в западной Сибири, по реке Енисей и на Дальнем Востоке. Остальное добывали орды старателей, или золотоискателей, разбросанных повсюду среди Уральских и Алтайских гор, на просторах западной Сибири и вокруг озера Байкал, вдоль рек Енисея и Лены, а также реки Амур на Дальнем Востоке.

Что касается жильных рудников, некоторое количество имелось в довоенной России на Урале, в западной Сибири и Казахстане, и проводился поиск жильных месторождений в районе реки Амур на маньчжурской границе. Почти без исключения, на рудниках применялись устарелые методы и примитивное оборудование. Как правило, везде золотая руда добывалась вручную, пропускалась через бегунковые мельницы, а затем подвергалась амальгамированию. Большинство рудников можно было разрабатывать только до уровня воды, поскольку отсутствовали насосы, и работы велись только с богатыми рудами, по причине неполного извлечения золота.

Даже эта примитивная промышленность была практически полностью утрачена в ходе мировой войны и столкновений гражданской войны, которая в России последовала за мировой. За восьмилетний период, с 1914 по 1922 годы, производство золота на территории России почти прекратилось.

За одним-двумя исключениями, драгирование и жильные рудники были закрыты, шахты заполнились водой, и во многих случаях надшахтные здания, строения, добывающее и производственное оборудование были разрушены. Практически из всей золотодобычи в стране остались только несколько старателей, работающих киркой и лопатой, либо с помощью конных лебедек.

Между 1922 и 1927 годами, до того, как я приехал в Россию, производство золота понемногу возрастало, но совершенно спорадически, и главным образом благодаря старательским операциям и восстановлению кое-каких маленьких жильных рудников, для которых собирали оборудование из нескольких рудников, чтобы заработал один, «наскоро сколоченный», как у нас выражаются горняки. Единственные люди, заинтересованные в этом процессе, были индивидуальные арендаторы, и они получали только часть того золота, что обеспечила бы добыча с использованием ртути.

Теоретически, все золото принадлежало правительству, как и все полезные ископаемые, земли и леса России. Правительство прилагало усилия для добычи других минеральных ресурсов, железа, меди, цинка и прочих, поскольку признавало их пользу при социализме. Но центральное правительство не обращало никакого внимания на золото, и арендаторы, эксплуатировавшие немногие разбросанные рудники, заключали соглашения с местными государственными органами, которым самим не хватало ни финансовых ресурсов, ни квалифицированной рабочей силы для оборудования и разработки золотых рудников. Центральное правительство так мало интересовалось золотом, что не предпринимало серьезных попыток препятствовать контрабанде золота через южные границы России, принявшей в то время значительные масштабы.

На этом этапе, летом 1927 года, в картине вырисовывается Иосиф Сталин. Похоже, он не был расположен, как некоторые другие коммунисты, считать незыблемой истиной высказывания Карла Маркса и Ленина о золоте. Каким-то образом, что открыто не обсуждалось, он заинтересовался золотой лихорадкой 1849 года в Калифорнии и стал читать все книги по теме, которые мог достать. В частности, он прочел вышедшую в предыдущем году книгу «Золото Саттера» французского писателя Блеза Сандрара, в которой дается яркое изображение золотой лихорадки. Также он прочел большую часть произведений Брет Гарта и историю Калифорнии во время и после золотой лихорадки, Т. Э. Рикарда.

В то время, в 1927 году, Сталин и другие коммунисты, возможно, стали беспокоиться из-за японской угрозы русским территориям на Дальнем Востоке. Китайско-советская революция развивалась не совсем так, как ожидали коммунисты, и вызвала неприязнь к России со стороны Запада и Японии. Дальневосточные области России населены мало, настолько, что было бы трудно организовать там оборону, наладить коммуникации и снабжение для армии любой численности. Естественно, Сталину приходилось перебирать варианты, какими средствами обеспечить безопасность территории. Он нашел ключ к решению в калифорнийской золотой лихорадке.

Факты, описанные в предыдущем абзаце, конечно, предположительны, но они в целом подтверждаются книгой Серебровского, опубликованной в 1936 году. Благодаря ей я начал по-настоящему понимать те обстоятельства, при которых оказался в России. Название ее «На золотом фронте», выходила она только на русском языке, вышла из обращения вскоре после публикации, поскольку позднее было обнаружено, что некоторые из упомянутых там людей – заговорщики.

У меня один из немногих сохранившихся экземпляров этой ценнейшей книги.

В книге Серебровского разъясняется, как чтение про Калифорнию 1849 года действовало на воображение Сталина. Он не мог избавиться от мысли, насколько быстро заселились западные районы Соединенных Штатов после находки золота в Калифорнии, и отдавал себе отчет, что во многом этот процесс подтолкнула надежда быстро разбогатеть.

Можно представить себе затруднительное положение Сталина, как коммуниста. Желание разбогатеть поскорее – определенно индивидуалистическое и капиталистическое; не годится социалистическому правительству его поощрять. Вдобавок, в то время Сталин был вовлечен в борьбу за власть с другими влиятельными коммунистическими лидерами, которые обвиняли его в отходе от идеалов Революции.

С другой стороны, перед ним была громадная территория, редко населенная и, следовательно, уязвимая для нападения, которую можно бы заселить невероятно быстро, как был заселен запад Соединенных Штатов после 1849 года, стоило только подтолкнуть золотую лихорадку. А Сталин знал, что на советском Дальнем Востоке много золота, неподконтрольного его номинальному владельцу, советскому правительству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.